

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

На правах рукописи

АКИШЕВ Кималь Акишевич

УДК 930.26.

ЭКОНОМИКА И ОБЩЕСТВЕННЫЙ СТРОЙ
ЮЖНОГО КАЗАХСТАНА И СЕВЕРНОЙ КИРГИЗИИ
В ЭПОХУ САКОВ И УСУНЕЙ
(У в. до н.э. - У в. н.э.)

Специальность - 07.00.06 - археология

Научный доклад, представленный в качестве
диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Москва - 1986

Подписано в печать 8.07.86
УГ 12085. Формат 60x84¹/16.
Усл.п.л. 3. Уч.-изд.л. 2,2
Тираж 100. Заказ 838

Типография издательства "Наука" Казахской ССР
480021, г.Алма-Ата, ул.Шевченко, 28

Работа выполнена в Институте истории, археологии и этнографии им. Ч.Ч.Валиханова АН Казахской ССР.

Официальные оппоненты:

Доктор исторических наук Крюков М.В.
Доктор исторических наук Обельченко О.В.
Доктор исторических наук Кропоткин В.В.

Ведущее учреждение - Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова, кафедра археологии.

Защита состоится "11" дек 1987 в 12 часов на заседании специализированного совета Д 002.18.01 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора наук при Институте археологии АН СССР - г. Москва, 117036, ул. Дм. Ульянова, 19, 4 этаж, конференц-зал.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Института археологии АН СССР.

Научный доклад разослан " " " " 19 г.

Ученый секретарь
специализированного Совета

К.А.СМИРНОВ

В историографии Евразии одной из малоизученных проблем является экономика и общественный строй кочевых и полукочевых племен и народностей в древние эпохи.

Данный тезис сохраняет силу и на современном уровне развития исторической науки, хотя первые попытки исследования социально-экономических отношений у кочевников, преимущественно у скифов европейских, зачастую весьма плодотворные, делались еще в 30-40-е годы советскими историками и археологами. Акцент на скифское общество объясняется наличием солидного источниковедческого базиса - античного письменного и археологического.

Научные направления, намеченные в те годы, новые археологические материалы, накопленные с тех пор, новая интерпретация сведений древних авторов послужили основой дальнейших успехов в изучении отдельных аспектов скифской общественной системы или в целом всей проблемы. Раннеклассовая организация скифов представляется приемлимым.

Социальный строй савромато-сарматов исследуется недостаточно, но представляется возможным полагать, что сарматское общество стояло не намного ниже скифского.

Предложена также первая попытка социологической интерпретации материалов из раскопанных курганных могильников (большинство которых оказались не разграбленными) эпохи раннего железа Тувы, полагают, что они принадлежали трем социальным прослойкам: царям, родовым дружинным аристократам и низшим социальным группам (Грач). В кургане Аржан - в памятнике Тувы раннескифского времени, были захоронены "царь" с "царицей" и 15 сопровождавших их "вельмож" (Грязцов).

В других регионах распространения локальных вариантов культур скифского и сакского типов - на восточном Памире, в Централь-

ном Казахстане и южном Приарале, где единичны царские курганы и они не раскапывались, социологические реконструкции не принимались.

Монографически обобщен накопленный опыт реконструкции социально-экономических отношений в древних обществах и остро поставлена проблема палеоэкономики и общественного строя, как одна из главных задач советской археологической науки (Массон). Вкладом в историографию проблемы является монография, посвященная социальному строю кочевников эпохи развитого средневековья (Федоров-Давыдов).

Как показывает опыт, реконструкция социально-экономических отношений и этно-политических ситуаций в древних обществах сопряжена со многими объективными и субъективными трудностями. Главными из них являются отсутствие или малочисленность основополагающих письменных источников, вольное и невольное осовременивание или, наоборот, принижение уровня древних социальных структур, как итог интерпретации извлеченной информации сквозь призму наших современных традиционных представлений о племенах и народностях - объектах изучения этнографической науки.

Конкретен археологический источник, но он нем, для извлечения информации, необходимой для социологических заключений, нужна разработка своей особой методики, методики распознавания социальной развитости древнего общества, значительные трудовые усилия которого вложены на сооружение того или иного памятника или группы памятников материальной и духовной культуры.

Научная новизна докладываемой работы состоит в том, что в ней впервые в советской археологии разрабатывается проблема палеоэкономики и социального строя кочевых и полукочевых племен Средней Азии и Казахстана во второй половине первого тысячелетия

тия до н.э. - в первой половине первого тысячелетия н.э. На современном этапе развития исторической науки теоретические разработки - на уровне концепций и гипотез, что является неизбежной стадией на пути к теории и необходимой для корректировки будущих поисков истины.

Актуальность темы заключается в слабой или вовсе неразработанности в историографии указанного региона таких кардинальных вопросов древней истории, как: возникновение и развитие классов и государств и его экономического базиса - земледелия и скотоводства. В работе делается попытка на основе марксистско-ленинской методологии исследовать эти вопросы.

В разные годы отдельные аспекты проблемы излагались в монографиях и научных статьях автора.

ЗЕМЛЕДЕЛИЕ И СКОТОВОДСТВО

За весь период археологического изучения Южного Казахстана и Северной Киргизии представление о хозяйстве, быте и культуре сако-усуней основывалось исключительно на данных китайских династийных хроник и на материалах с раскопанных подкурганных захоронений.

Параллельное привлечение двух этих источников в исследованиях дает довольно полное представление по интересующим нас вопросам.

Сведения о древних усунях, имеющиеся в исторических сочинениях древнекитайских авторов, в свете накопленных археологических данных подлежат ревизии. Последнее в первую очередь относится к определению усуней как "чистых" номадов, постоянно (круглогодично) косующих вслед за скотом в поисках пастбища и водопоя. В этих же источниках и в трудах комментаторов их имеются указания, хотя и скудные, что часть из них знала оседлость и имела города и посе-

Отдел археологии ИИАЭ
АРХИВ
Инв. № 1675

ления.

Впервые утверждения древних источников о чисто кочевническом направлении хозяйства и быта усуней были поставлены под сомнение М.В.Воеводским и М.П.Грязновым на основе находок в раскопанных захоронениях Северной Киргизии обугленных зерен, шелухи проса и каменной зернотерки. Новые данные, указывающие на развитие земледелия и оседлости у древних усуней Семиречья, были получены при раскопке поселения Луговое-холм, расположенного в долине р.Талас.

Работы, проведенные на территории региона в последующие годы, дали археологические свидетельства, позволяющие рассматривать хозяйство усуней в динамике его почти тысячелетнего развития и дифференцированно для разных частей Семиречья соответственно природно-климатическим условиям.

Географической средой Семиречья было обусловлено, что развитие хозяйства саксов и усуней пошло по своеобразному пути. Своеобразие это состояло в том, что здесь, в отличие от районов "классического" земледельческого или кочевого скотоводческого хозяйства, скотоводство сочеталось с земледелием, а кочевничество - с полuosедлостью. Многоукладность хозяйства, полукочевой и полuosедлый образ жизни у древних усуней доказываются появлением и распространением на территории Семиречья особых типов памятников: в усуньское время - зимовок-поселений, а позднее - укрепленных поселений и городов-убежищ с крепостными стенами, огораживающими большие площади пространства, свободные или почти свободные от построек.

На зимовке-поселении Актас-2 сделаны находки, являющиеся первыми и прямыми свидетельствами существования земледелия у усуней. Это орудия обработки земли - каменные мотыги и боронки урожая - бронзовый серп (обломок). В окрестностях поселений (Ак-

тас I,II,IV,V) открыты остатки оросительных арыков и следы небольших обработанных участков площадью от 60 до 150 кв.м. По-видимому, на таких участках выращивались злаковые, возможно, бахчевые культуры. Мы не имеем данных о выращиваемых культурах, но является реальностью существование обработанных и орошаемых полей.

Обработанные площади располагались на участках, максимально обогреваемых солнцем и удобных для самотечной подачи воды. Русло оросительных арыков трассировалось с учетом естественного склона местности с таким расчетом, чтобы исток находился выше отметки орошаемого участка.

Следы подобной примитивной оросительной системы, кроме Кетменьтау (Кегенская долина), открыты во всех районах Семиречья: в ущельях и на склонах Джунгарского Алатау и Чулакских (Илийская долина) и Чу-Илийских гор (Чуйская долина), на северных склонах Киргизского Алатау (Таласская долина). Древние усунь Семиречья обладали определенными знаниями в области земледелия: выбор наиболее пригодной для обработки земли, учет солнечной активности в период вегетации, трассировка русел арыков для самотечной подачи воды в горных местностях.

Можно считать достоверным существование посевов колосовых культур: ячменя и проса. Находки обломка бронзового серпа, а также шелуха этих культур, прилипшая к дну одного из сосудов, найденного в усуньской могиле в Северной Киргизии подтверждают этот факт.

В своеобразных семиреченских условиях наиболее рациональной и даже возможной формой земледелия были посевы под богару. Так называемое богарное земледелие при высоком уровне выпадания осадков и естественной увлажненности почвы давало устойчивые урожаи. Хотя засеивались ограниченные площади, но все же каждая усуньская семья была обеспечена продуктами земледелия, главным образом, му-

кой и зерном, а растительная пища входила в постоянный рацион питания. Последнее убедительно доказывается находками каменных зернотерок, причем, как на поселениях, так и в захоронениях. В помещениях зимовки-поселения Актас обнаружено одиннадцать целых зернотерок, а также пятнадцать обломков от них, сильно изношенных от долгого употребления. Об оседлом и полуседлом образе жизни свидетельствует также увеличение масштабов производства глиняной посуды, особенно в III-V вв.

Прямые указания о развитии оседлости и земледелия на территории Семиречья в древнеусуньское время имеются в письменных источниках.

Так, китайский историк Бань Гу сообщает, что придворная дама Фынъ, приставленная к китайской принцессе, выданной замуж за усуньского гуньми, раздавала подарки усуньским "оседлым владельцам".

Историк XIX в. Хэ-Цю-Тао, ссылаясь на древние источники, сообщает, что хотя древние усунь не устраивают полей, но "сеют деревья". Комментатор "Ханьшу" Янь Ши-Гу - историк УП в.н.э. - конкретизирует это сообщение, поясняя, что "сеют деревья" значит "сажают деревья". По-видимому, у оседлой части усуней имело место и садоводство.

Известны сведения более определенного и конкретного характера. Это сообщение историка Суй Сун, утверждающего, что хотя усунь следовали за водой и травой (кочевали), "все же имели города и предместья". Привлечены и новые данные об усуньских владельцах, обрабатывающих землю.

Однако в усуньское время, хотя скотоводство было не единственной формой хозяйства, но и земледелие не стало играть равную скотоводству роль. На всех этапах развития хозяйства скотоводство

преобладало над земледелием.

В древности, при низком уровне развития производительных сил, фактор среды играл определяющую роль в зарождении той или иной формы хозяйства. Значение среды контрастно проявилось в период появления производящего хозяйства, но особенно в эпоху освоения железа, которая на территории древнего Казахстана почти совпала с переходом к новой форме хозяйства - к кочевому скотоводству. С этого времени (IX-VIII вв. до н.э.) разные по природным условиям (преимущественно по рельефу и источникам воды) районы Казахстана развиваются специфическими путями. Соответственно разной естественной среде возникают разные формы хозяйства, складываются своеобразные культуры и особые типы памятников. Исторически определяются три зоны хозяйственного районирования: Центральный и Западный Казахстан, зона степи и полупустынь - районы экстенсивного кочевого скотоводства с круглогодичным содержанием скота на подножном корме, слабого развития земледелия и оседлости. Южный Казахстан, зона лессовых равнин в долинах рек Сыр-Дарья, Талас, Келес и Арсы - район раннего зарождения оседлости и поливного земледелия, городской культуры и ирригационного строительства. И, наконец, Семиречье и Восточный Казахстан, зоны горных систем Тянь-Шаня и Алтая - район комплексного хозяйства, сочетание полукочевого (яблагного) скотоводства и богарного земледелия, полукочевой-полуседлый быт, особые типы памятников - зимовки-поселения, города-ставки, бесцитадельные города, города-убежища.

Пастбищно-кочевая система или посезонное распределение пастбищ и водных источников, уже сложившаяся в момент перехода скотоводов к кочеванию в IX-VIII вв. до н.э. (без него вообще не было бы возможно кочевое скотоводство) практически оставалась неизменной в продолжении трех тысячелетий, вплоть до казахов недавнего прош-

лого. Вывод этот основывается на исторической топографии памятников: поселений, зимовок и погребальных сооружений. Размещение их в продолжение всего этого огромного периода в одних и тех же местах свидетельствует, что еще на заре перехода к кочевничеству были уже определены наиболее благоприятные для скотоводства районы кочевания и они не менялись веками. При этом обязательным условием пригодности их для хозяйственного использования являлось наличие пастбищ, пригодных для посезонного чередования. По топографии памятников наиболее точно устанавливаются места зимовок — места продолжительного оседлого стояния кочевника. Эти места жительства оставались постоянными сотни и тысячи лет, из поколения в поколение. Рядом с ними находились семейно-родовые могильники и кладбища, которые увеличивались вместе с бегом времени. Так возникали ныне известные огромные некрополи, состоящие из разнотипных и разновременных памятников и многослойные зимовки-поселения.

Археологические материалы доказывают, что на территории Казахстана и Киргизии, наибольшее количество памятников, как правило, располагается в очагах максимальной оседлости кочевых племен; места эти, наиболее благоприятные для зимовок, не менялись в продолжении многих веков, что свидетельствует не столько о преемственности культуры, сколько о схожести типа хозяйства и образа жизни сменявших друг друга племен.

Можно утверждать, что уже в сакское время, а тем более в усуньское, определились постоянные места зимних пастбищ, места сезонной оседлости кочевника. Существенную помощь в решении вопроса о распределении пастбищных зон в другие сезоны года оказывают данные других наук, как ботаника и гидрология, а также ретрометод — реконструкция форм хозяйства древних племен на фактах

истории поздних кочевников.

Кочевому скотоводству Центрального и Западного Казахстана было характерна большая амплитуда кочевания из южных районов на север и обратно, так называемый меридиональный путь перекочетов.

Естественным фактором, определившим специфичность типа хозяйства и постоянный маршрут перекочетов, является периодичность поедаемости скудной растительности и сезонное состояние водных источников, неравномерно распределенных на огромных степных пространствах региона.

Периодичность поедаемости трав построена на сезонной смене растительных форм, являющейся природной закономерностью общей для всех климатических зон суши. Но важное значение имели также особенности, характерные лишь для зоны сухих степей, в частности, депрессия в поедаемости, которую обнаруживают растения (ковыль, еркек и другие), составляющие главную массу корма. Другая форма растительности — полынь (жусан) всех видов, являющаяся также одним из основных растительных покровов степи, непригодна для корма весной и летом, но становится одним из основных кормов осенью и зимой, когда мороз разрушает накопленные в нем вредные вещества.

Вторым фактором, определяющим переход к кочевничеству, являются естественные запасы питьевой воды, ограниченные засушливостью климата, засоленностью грунтовых вод, рек, озер. Так, например, реки Сагыз, Уил, Эмба и их притоки (Западный Казахстан) имеют пресную воду всего 2-3 месяца, а в течение остального периода времени года — непригодную для питья.

Эти факторы определяли, что скотоводы с наступлением тепла были вынуждены кочевать на север, где имелись хорошие злаковые пастбища и обильная пресная вода, а с похолоданием — возвращаться на зимовье в мужгорные ущелья, в прибрежные заросли, в котло-

вины песчаных барханов.

Меридиональное с юга на север и обратно направление кочевания казахов зарегистрировано всеми исследователями, изучавшими в XIX-XX вв. хозяйство, быт и образ жизни кочевников Центрального и Западного Казахстана (Карутц, Фиельструн, Руденко, Маргулан)

В Семиречье и в Восточном Казахстане наблюдается иная картина. Здесь благодаря большому различию природных условий, густота стояния растений увеличивается по мере повышения местности над уровнем моря. Так, в низменной части, в прибалкашских тесках характерными признаками флоры является преобладание кустарниковых и полукустарниковых форм и редкое стояние трав, а в горных районах, в зоне альпийских лугов, наблюдается многообразие и богатство растительного покрова, не существует также проблемы водообеспечения.

Поэтому в такой природной среде возникла своя форма скотоводческого хозяйства и иные направления кочевых маршрутов, совершаемых с северных низменных районов на юг к летним горным пастбищам, а не с юга на север, как это имело место в Центральном и Западном Казахстане.

Такая система кочевания, сложившаяся соответственно различным вертикально расположенным растительным зонам получила название вертикальной системы кочевания.

Другой особенностью является то, что посезонные пастбища здесь располагались на небольших расстояниях один от другого. Поэтому максимальная амплитуда кочевания достигает 150-200 км в степных районах, а минимальная - 50-100 м в горных местностях. При такой сравнительно небольшой удаленности пунктов перекочевок друг от друга скотоводы тратили меньше времени на передвижение, проводя большую часть года на стоянках. Это и определило особые черты,

сложившиеся в хозяйстве и быту. Племенам Семиречья и Восточного Казахстана в большей степени был присущ полукочевой-полуоседлый быт и, как уже отмечалось ранее, приобщение к труду земледельца.

Так, в трудах средневековых авторов: Фазлаллах бен Рузбехан (XVI в.), Мухаммед Хайдар (XVI в.), Рашид ад-дин (XIV в.), Гильом Рубрук (XIII в.), Ибн-ал-Асир (XIII в.), Марко Поло (XIII в.) имеется немало сведений о сезонном распределении пастбищ и маршрутах перекочевков. Такие же сообщения содержат сочинения Махмуда-Кашгари (XI в.), Кудама ибн Джафара (Xv), Абдаллаха ибн Хордадбека (IX в.).

В хронологической последовательности более ранние известия о пастбищно-кочевой системе могут быть мобилизованы из китайских династийных хроник (Таншу, Хоуханьшу и др.), в разделах о древних тюрках, Жуань-Жуаней, Хунну (сюнчу) и Кангюй (канцзюй). Особенно важны сведения ханьских авторов о хунну и кангюй, которые уже в III в. до н.э. "смотря по временам года переходят с места на место", т.е. знали сезонное чередование пастбищ.

Сакам и усуням - культурно-историческим соседям этих племен, очевидно, посезонное распределение пастбищ было известно также в IV-III вв. до н.э., как другим кочевым племенам Западного края, сложение пастбищно-кочевой системы у которых подтверждено письменными источниками.

Дополняющие аргументы представляет анализ данных палеозоологии.

Кочевому скотоводческому хозяйству характерно строго определенное соотношение видов домашних животных, преобладание в реальном стаде животных, пригодных к длительным передвижениям, к самодобытию корма в зимних условиях. Такими животными являются верблюды, лошади и овцы. Статистика животных костных остатков, собранных при раскопке поселений и захоронений древних усуней, дают ма-

териал, позволяющий восстановить существовавший состав стада и соотношение видов животных в хозяйстве.

Результаты определения остеологического материала, полученного при раскопке зимовки-поселения Актас II и Луговое-холм, доказывают, что видовое соотношение в составе стада у усуней характерно для хозяйства, основанного на полукочевом скотоводстве, причем это соотношение несколько различно у восточно- и западносемиреченских усуней.

Актас II (III-V вв.) (82)		Луговое-холм (I-V вв.) (83)	
Вид животных	в %		в %
1. Лошадь	32,7		22,8
2. Крупный рогатый скот	16,3		33,1
3. Овцы	48,4		37,9
4. Верблюд двугорбый	-		2,4
5. Коза домашняя	0,7		0,4
6. Осел домашний	-		0,4

Таблица показывает также, что в составе стада были все виды домашних животных: овца, лошадь, корова, двугорбый верблюд, коза, осел. По археологическим данным представляется возможным установить породу и даже масть лошадей и в хозяйствах саков и усуней.

Коневодство по данным династических хроник было развито широко. Так, например владельцы содержали до пяти тысяч лошадей, а войска великого и малых гуньми состояли из 30-тысячной конницы. Были также мулы.

Семиреченские усунь умели разводить также высокопородных скаковых лошадей, значит знали стойловое содержание их. Несомненно, за высокие качества усуньские лошади китайцами были названы

"западный предел", причем именно усуньские лошади до знакомства китайцев с даванскими получили название "небесных". Золотые пластинки (7 шт.) с изображением всадника, найденные в богатом захоронении усуньской женщины в Тенликском кургане, дают реальное представление о породе усуньских лошадей. Они были крупные, высокие в холке, с хорошо развитой мускулатурой тела и с массивной головой.

Резюмируя вышеизложенное, можно констатировать, что в различные по природным условиям районах Казахстана еще в древности сложились разные формы скотоводческого хозяйства; в Центральном и Западном Казахстане кочевая, а на юге и востоке Казахстана и в Киргизии - полукочевая, яйлажного типа.

Сезонная естественная сменяемость растительного покрова, разный режим водных источников явились причиной сложения рационального чередования пастбищ - сложения пастбищно-кочевой системы у племен, основой хозяйства которых было интенсивное и экстенсивное скотоводство. Амплитуда кочевания зависела от удаленности этих сезонных пастбищ друг от друга. В центральных и западных районах Казахстана она охватывала большие территории - с южных пустынь до границы лесостепи на севере. А в Семиречье и Восточном Казахстане сложилось так называемое вертикальное кочевание на небольшие расстояния - с северных степей и пустынь в альпийские луга на юге.

Возникновение кочевого скотоводства как специфичной формы хозяйства невозможно без сложившейся системы сезонного чередования пастбищ. Ибо беспорядочное (стихийное) передвижение за скотом по огромным просторам в поисках корма и воды привело бы к неизбежной гибели людей и стада. Опыт сезонного распределения пастбищ был накоплен до перехода к кочевому образу жизни, еще племенами

андроновской культуры. Дальнейшая аккумуляция этих знаний и сложение их в систему чередования пастбищ по сезонам года (пастбищно-кочевая система) происходило вместе с развитием кочевого скотоводства у сакских и усуньских племен. Сложение пастбищно-кочевой системы предшествовало переходу к кочевому скотоводству.

Развитие скотоводческого хозяйства на территории древнего Казахстана прошло несколько этапов.

Начальным этапом складывающегося продуктивного скотоводства, несомненно, было придомное пастушеское скотоводство, существовавшее у племен эпохи бронзы, начиная с первой половины II тысячелетия до н.э. Это было оседлое скотоводство, так как небольшое поголовье скота, имевшееся у каждой семейно-родовой группы, обеспечивалось кормом на пастбищах, расположенных вокруг поселения. Характерен и состав стада, установленный по остеологическим остаткам, обнаруженным на раскопанных поселениях. В стаде крупный рогатый скот преобладал над всеми остальными видами животных.

Второй этап охватывает примерно с XVI до XI вв. до н.э. В это время основой хозяйства является полукочевое (яйлажное) скотоводство. Пастбища уже распределяются на зимние, где находятся поселения, и на летние. В составе стада уменьшается количество крупного рогатого скота, а возрастает численность овец и лошадей.

Следующий, третий этап, ограниченный хронологическими рамками XI-IX вв., - первый этап кочевого образа жизни. Представляется, что именно в какой-то короткий отрезок времени в этот период было распространено круглогодичное кочевание в поисках новых пастбищ и окончательно складывалась система посезонного распределения пастбищ и водных источников. В стаде уже преобладают овцы и лошади - животные, приспособленные к дальним переходам и к тебеневочному добыванию корма в зимнее время.

В сакский и усуньский период (VIII в. до н.э. - V в. н.э.) основной хозяйством являлось экстенсивное кочевое скотоводство в его классической форме, основанное на сложившейся пастбищно-кочевой системе. Однако в разных районах Казахстана соответственно географической среде возникают свои особенности в развитии скотоводства.

Дальнейшее развитие кочевого скотоводства не привело к каким-то принципиальным изменениям в форме хозяйства, в образе жизни и в системе кочевания. Реальные изменения касались внутреннего перераспределения пастбищ и усовершенствования пастбищно-кочевой системы. Система ведения кочевого хозяйства за весь трехтысячелетний период своего существования не претерпела существенных изменений.

СОЦИАЛЬНАЯ СТРАТИФИКАЦИЯ САКСКОГО ОБЩЕСТВА

Попытка исследования социальной структуры сакского общества по данным могильника Бесшатыр нами предпринимались раньше.

Предполагалось, что резко выраженная градация параметров насыпи бесшатырских курганов, монументальность и сложность деревянных усыпальниц связаны с имущественным и социальным неравенством членов сакского общества, связаны с поляризацией общества на богатых и бедных.

Новейшие данные, подтверждающие ранне предложенные выводы, поэтому представляется необходимым рассмотреть их в совокупности.

При определении социальной стратификации ввиду малочисленности сведений письменных источников по этому вопросу, мы оперируем исключительно показаниями археологического материала. Возможна мобилизация и оценка такой информации как богатство и бедность погребального инвентаря, параметры, техническая усложненность надмогильного и могильного сооружения, количество человеческого тру-

да, затраченного на их возведение, масштабы тризны и жертвоприношения.

В советской археологии применяются и совершенствуются методические приемы обработки такой информации с целью реконструкции древних социальных систем. В эпоху разложения первобытнообщинного строя и в раннеклассовых обществах существовала прямая связь между погребальным обрядом и социальной структурой в том понятии, что погребальный обряд отражает не только имущественное, но именно социальное положение захороненного.

В социологических реконструкциях особое значение придается археологическим материалам из Семиречья, так как курганы сакской эпохи здесь изучены значительно лучше, чем в других районах Средней Азии и Казахстана.

Важно также, что именно здесь сосредоточены так называемые царские курганы, достигающие высоты до 18-20 м. Исходным постулатом при этом служит заключение, что такие памятники не могли возводиться над могилами каждого члена общества, они были прерогативой узкого круга лиц. Небольшое количество больших курганов по сравнению с тысячами малых насыпей бесспорно свидетельствуют о разделении общества на две группы: на меньшинство, имеющее привилегий, и на неимущее большинство. Кстати, начало социальному неравенству было положено еще в эпоху поздней бронзы в конце второй половины II тысячелетия до н.э.

Меньшая общественная группа, судя по пышности погребального обряда, располагала значительными преимуществами по сравнению с основной массой населения. Этими преимуществами могли быть господство и богатство меньшинства в обществе. А разделение общества на привилегированных и непривилегированных, т.е. на богатых и бедных - свидетельство существенного социального неравенства, первый

шаг на пути к классовому образованию.

Несомненно, семиреченские саки-скотоводы уже в V-IV вв. до н.э. (к этому периоду относятся захоронения в Бесшатыре и Иссике) стояли на высокой ступени общественного прогресса. Экономические предпосылки к этому здесь были налицо.

В УШ-УП вв. до н.э. в Семиречье, как и на всей территории древнего Казахстана, завершился переход к новым прогрессивным формам хозяйства: к освоению нового металла - железа и к кочевому скотоводству. Эти экономические факторы явились причинами дальнейшего ускоренного развития общества и его культуры.

Большие возможности для производства материальных благ давало и кочевое скотоводство - новая форма хозяйства. Кочевое скотоводство именно в раннюю эпоху своего развития было прогрессивной формой хозяйства.

Способность к быстрому воспроизводству и легкая отчуждаемость скота привели к интенсивному накоплению богатства у отдельных скотоводческих семей и лиц и к обнищанию большинства населения, к социальному расслоению сакского общества.

Подтверждением этого тезиса могут служить исторические факты, относящиеся к позднему этапу сакской истории. В среде сако-усуньской этнокультурной общности в III-II вв. до н.э. имелись лица, - как сообщают древние династийные хроники, - владеющие уже четырьмя-пятью тысячами голов лошадей.

У них же известен факт закрепления за усуньским правителем (гуньмо) под именем Цылими земельных владений, что было связано с тем же сосредоточением в одних руках большого количества скота и необходимостью иметь достаточные для прокорма их пастбищ.

Можно полагать, что эти формы усуньской частной собственности зародились и развивались еще у саков, хотя и прямыми свиде-

Отдел археологии ИИАЭ
АРХИВ
Инв. № 1645

тельствами — указаниями письменных источников — об имущественном и социальном неравенстве у них мы располагаем недостаточно. Поэтому социологическая информация, извлеченная из археологического источника, носит интерпретационный характер.

Единственное и то скудное сообщение Ктесия о погребальном обряде азиатских скифов-саков, о сооружении над прахом царицы Заррины грандиозной трехгранной пирамиды, может быть интерпретировано, как устойчивая этнокультурная традиция увековечения памяти верховных правителей общества — царей — сооружением монументальных культовых памятников.

Существование такой традиции находит археологическое подтверждение. В УП-У вв. на степных просторах Казахстана и Средней Азии появляются огромные каменные и земляные насыпи курганов типа Бешатыра, Иссыка и Чиликты, а в ареале земледельческо-скотоводческих саков — сложные по архитектурному решению сырцовые мавзолеи Тагискена. Раскопки их доказали, что они являются усыпальницами лиц, относящихся к высшему рангу сакского общества. Параметры курганных насыпей устанавливались в соответствии с принадлежностью к тому или иному социальному рангу.

Но прежде приведем ряд исторических факторов: сведения письменных источников, этнографические данные об обычаях строгой градации размеров погребальных сооружений в зависимости от социального ранга погребенного, бытовавших у народов Центральной Азии, Африки и Океании.

В Китае эпохи Хань (III в. до н.э. — III в. н.э.), в государстве с развитыми классовыми отношениями была узаконена строгая зависимость размеров насыпи надмогильного памятника от положения, которое занимал захороненный при жизни на социальной иерархической лестнице, ранг определял пышность погребального обряда.

По свидетельству историка Ян-Шу-да по ханьским законам курганную насыпь высотой более 12,8 м могли иметь только члены императорской фамилии. Высшая знать могла сооружать курган высотой до 12,8 м, а простые сановники — не более 4,8 м. В Японии в V в. н.э. императорский курган Озин имеет высоту 45 м, а курган Интаку — 30 м. Курган Фудзиноки (VI в. н.э.) на территории г.Нара, принадлежащий сановнику среднего ранга императорского двора, имеет высоту 8 м, диаметр 40 м.

Для реконструктивных построений ценны также сведения о социально-экономических взаимоотношениях у современных племен еще вчера стоявших на ступенях развития, близких к нашей исследуемой эпохе.

На Маршалльских островах, так называемой Микронезии, у предков племени чаморро в I в. н.э. по свидетельству М.Стингла "... по размеру ланги (саркофага) можно было судить об общественном положении умершего. Чем больше пирамида, тем выше положение занимал человек".

При реконструкции структуры древних общественных систем необходим учет фактора экологической среды. Ибо развитие социальной системы (в том числе и параметры погребальных сооружений) находилось в прямой зависимости от состояния экологической обстановки, от материальной обеспеченности, от высокого или низкого жизненного уровня общества. Ухудшение среды приводит к упадку социального прогресса. По данным С.А.Арутюнова такая связь четко прослеживается в истории эскимосов периода "китовых аллей".

Правомерность аналогичной выше упомянутым интерпретационной оценки сакских курганов подтверждается находками при раскопке одних из них (царских) больших материальных ценностей в погребальных камерах, богатством одеяния и оружия, как это имело место в

Исыкском кургане, в других (рядовых) - отсутствием таковых.

Вернемся к археологическому источнику, к его анализу. В Бесшатырском могильнике размеры насыпей, большие бревенчатые погребальные камеры курганов - неоспоримые артефакты по исследуемой проблеме.

В одной из наших работ уже отмечалось, что захороненные под насыпями бесшатырских курганов принадлежали к трем социальным слоям: большие курганы - могилы сакских царей - верховных военачальников; средние - могилы аристократии и знати, мелкие - могилы дружинников и рядовых общинников.

Доминирование насыпей царских курганов над многочисленными малыми соответствовало господству знати над массой престолюдин и рабов. Параметры курганных насыпей - это тоже инсигнии власти.

Насыпи всех царских и средних курганов Восточного Семиречья по изначальному архитектурному замыслу возводились с плоской вершиной и с прямыми боковыми скатами, поэтому определение объема их возможно по формуле усеченного конуса.

По этой формуле объема насыпи Большого Бесшатырского кургана составляет 80,5 тысяч куб.м. Кроме того, вокруг насыпи расположены каменный вал (вероятно, обводная стена) и 94 кольцевых оград, на сооружение которых было доставлено из окрестных гор свыше 650 многотонных менгиров и валунов.

Поражает воображение предполагаемый объем человеческого труда, затраченный на заготовку и транспортировку указанного количества камня и щебня, каменных плит и валунов, а также на возведение насыпи и других дополняющих сооружений этого царского памятника.

Под насыпью царских курганов Бесшатыра находились большие погребальные камеры их трехметровых бревен тьяншанской ели. При постройке камеры в Третьем Бесшатырском кургане было использовано свыше 300 таких бревен. На заготовку и перевозку их требовалась также немалая затрата человеческой энергии.

По экспериментальным подсчетам на строительство только насыпи Большого Бесшатырского кургана было затрачено около 30 тысяч человекодней. При этом нами не учитывался труд, затраченный на заготовку и перевозку 650 каменных плит и 300 бревен, а также тысячи куб.м. камня для вала. Если учесть этот труд, кроме того человекодни, потребные на возведение самой бревенчатой усыпальницы, ритуальных каменных сооружений вокруг насыпи, то количество человекодней возрастает до 60-65 тысяч.

Полевые нивелировочные замеры в таких пределах демонстрируют градацию параметров насыпей курганов:

Большие: диаметры - 104-48, высота - 20-7 м.

Средние: диаметры - 45-30, высота - 6-2,0 м.

Малые: диаметры - 18-6,0, высота - 1,0-0,5 м.

Впечатляют показатели расточительного расхода человекоднев, потраченных на их сооружение:

Большие: от 60000-65000 до 2000-3000.

Средние: от 1700-2000 до 300-400.

Малые: от 0,2 - 0,9 до 4,7-4,8.

Таким образом, на строительство самого большого царского кургана было затрачено более чем в десять тысяч раз больше человекоднев, чем на возведение самого большого рядового кургана.

Резкая градация параметров насыпей и количество труда, затраченного на их сооружение, является причинным следствием развитости социальной иерархии в сакском обществе.

Курган Иссык дал дополнительные важные материалы, подтверждающие доказываемый тезис. Иссыкский погребальный инвентарь - индикатор богатства и власти лица, принадлежавшего к высшему рангу общества.

Неизвестно сакское самоназвание титулатуры должностных лиц, но захороненных в Басматирских и Иссыкского курганах, возможно, называть царями. При этом ошибка в большей степени может быть в форме титула, в меньшей - в его содержании.

Мобилизация сведений античных авторов о стратификации общества азиатских скифов - единственная возможность реконструкции социальной титулатуры. Сакские иерархические титулы (хотя они по содержанию, вероятно, несут традиции античного мира) - указатели начавшейся и возрастающей поляризации общества. В нем на одном полюсе дислоцировались царь и царица (по античной традиции *bazileus*), "первые" и "знатные" люди, всадники - конные воины, на противоположном - зависимые люди, рабы (*paidēs*), служанки, пешие воины.

Мобилизованная информация обосновывает следующее резюме: саки своих умерших царей облачали в золотое одеяние, помещали в просторные погребальные камеры, а над ними сооружали архитектурный памятник - огромный курган. Обряд погребения других членов общества упрощался по мере понижения на ступенях иерархической лестницы.

В дифференциации обряда, зависящую от социального положения роль, играл культ мертвых предков, особенно царей - сильных покровителей. Но в ритуалах возвеличивания личности царя имелась и политическая подоплека - сугубо земные корыстные интересы его преемников. Они использовали ритуалы погребального обряда как религиозное воздействие на массы с целью идеологически обосновать неизбежность династии сакских царей.

Несомненно, золотая одежда иссыкского сака не была рассчитана на внешний эффект, а больше содержала социальную нагрузку, преследовала политико-пропагандистские цели. Сверкающая одежда возвеличивала личность царя, возводила его в ранг солнцеподобного бога.

Религиозно-идеологическое содержание зооморфных образов на украшениях головного убора подтверждает этот вывод. В образе крылатых и рогатых коней на надобной части головного убора иссыкского воина заложена сложная символика, воплощены каноны религиозного мировоззрения саков.

В Ригведе и в Авесте образ коня полисемантичен, в его образе представлен целый пантеон древних богов: Митра, Фарн, Сиявуш, Веретрагна и другие. Несомненно, в этот пантеон входил и Ахура Mazda.

Воспроизведение крылатых существ чуждо для сакской среды, но широко распространено в Передней Азии. В частности, в Ахеменид-

ском Иране персонифицированный высший бог неба Ахура Mazda изображался в виде крылатой фигуры в солнечном диске. Саки от образа Ахура Mazda заимствовали крылья и своего солярного бога изображали в образе крылатого коня с козлиными рогами. В полиморфной фигуре этого сакского божества слились черты бога солнца Митры, бога неба Ахура Mazda и родового тотема.

Несомненно протомы коней Иссыка имели двойную семантическую нагрузку: символ солнечного божества и царский знак. А в целом, иссыкский царь в таком сверкающем головном уборе, в ослепительной одежде представал реальной Ахура Mazda или Митрой его персоне олицетворяла земного и небесного владыку - светского царя и верховного жреца.

Значение иссыкских находок для рассматриваемой проблемы возрастает в связи с находкой памятника письменности - серебряной чашей с надписью. Возможность привлечения надписи для социологических реконструкций - в прямой зависимости от решения круга важных вопросов: идентификации иссыкских графем с алфавитным письмом, происхождения и этнокультурной атрибуции, дешифровки надписи.

Первый из этих вопросов специалистами решен положительно, ряд доказательств свидетельствует об алфавитном характере письменности.

Значительно сложнее два последних вопроса, особенно дешифровка. В отношении этнокультурной принадлежности пока существует единственный вывод гипотетического уровня об атрибуции неизвестной иссыкской письменности с сакской средой.

Факт существования письменности в любом обществе свидетельствует о высоком уровне развития социально-экономической организации. Таким органом могла быть форма общественного устройства

типа государственного образования. Процессы возникновения государства и письма были взаимосвязаны, вероятно, письменность появляется через какой-то непродолжительный период после зарождения и функционирования государства.

Резюмируя приведенную информацию, извлеченную из археологического и эпиграфического источников (градиация параметров насыпей, наличие больших материальных ценностей, количество человекоднев, израсходованных на сооружения, письменность и др.), мы склонны считать, что саки Семиречья по уровню социальной структуры находились на стадии сложения раннеклассового общества, производственные отношения в которых регламентировались и регулировались органом типа государственного образования.

ГОСУДАРСТВО УСУНЬ

Процесс сложения классовых отношений и государственного образования, начавшийся в сакском обществе активно продолжался на рубеже и в первые века нового времени, после установления политического господства в регионе племенем-гегемоном, именуемым ханьскими источниками "у-сунь". Последние явились тем ядром, вокруг которого произошла консолидация саков, кечжи и других индоиранских племен. Этноним усунь покрыл всю старую родоплеменную номенклатуру, хотя династийные хроники еще какое-то время продолжали отмечать, но уже в составе древних усуней племена сэ (саки) и кечжи. Этнонимы уйшун-уйсун, дошедшие до наших дней восходят к древнему этнониму и доказывают значительную роль усуней в истории края. Политическая организация, созданная усунями является первым государственным образованием на территории Казахстана.

Возникновение древнеусуньского государства определили факторы внутреннего и внешнего характера. Причем, оба эти фактора были

теснейшим образом взаимосвязаны, а, взаимодействуя друг с другом, ускоряли социально-экономическое развитие семиреченских усуней. Хотя несомненно, что государство усуней - продукт внутреннего развития экономики самого общества, но большое, причем катализирующее влияние оказывали соседство и тесный политический контакт с высокоразвитой империей Хань.

Древние династийные хроники содержат фактические материалы, не оставляющие сомнения, в существовании у усуней частной собственности на скот и землю. Однако, насколько можно судить, степень развития этих двух видов собственности не была одинакова. Если частная собственность на скот и предметы роскоши имела развитую форму, то земельная собственность находилась на стадии становления, принимая форму монополии крупными скотовладельцами определенных земельных участков как "исключительными, только им подчиненными сферами их личной воли" (Маркс), т.е. она носила форму владения.

Одним из признаков возникшей собственности, родовой, общинной или частной, является отметка ее особыми знаками, определяющими принадлежность собственности.

По археологическим данным первое появление таких знаков на территории Казахстана наблюдается еще в эпоху поздней бронзы, на сосудах бегазы-дандыбаевской культуры. Примечательно, что время появления их совпадает с временем сооружения больших по параметрам и сложных по конструкции надмогильных устройств. Значительно чаще они встречаются на предметах скифо-сакского и сармато-усуньского времени.

Большое распространение знаки получают позднее, особенно в районах земледельческой культуры, где массовое производство глиняной посуды принимало торгово-ремесленный характер. На территориях близлежащих к этим районам, у племен с иной, скотоводческо-земле-

дельческой формой хозяйства они также встречаются нередко.

При интерпретации знаков, относящихся к разным хронологическим периодам, мнения исследователей в целом совпадают, не выходя за пределы гипотезы: клеймо мастера — знак собственности.

Первоначальное функциональное назначение знаков несомненно связано с социально-экономическими причинами. Эволюция функции знаков с момента их появления прошла ряд стадий: знак-показатель индивидуального мастерства изготовителя, знак — отметка (тамга) принадлежности данной вещи конкретному роду, определитель владельца и, наконец, знак частной собственности.

Таврение лошадей появляется позднее, древнекитайские письменные источники отмечают широкое распространение таврения лошадей у тюрских и монголоязычных племен Западного края, возможно, в том числе и у усуней.

Еще одним доказательством раннего появления частной собственности являются металлические, каменные и глиняные печати. Находки их известны, начиная с эпохи неолита (Малая и Передняя Азия, Ближний Восток). В Средней Азии и Казахстане они известны с позднесакского времени. Печати, также как и тамги, и знаки-метки, являются археологическим свидетельством произошедшей имущественной дифференциации.

Изобретение печатей, было вызвано тем, что развитие частной собственности достигло более высокой ступени по сравнению с периодом появления тамг и знаков-меток. Оттиски печати был знаком удостоверяющим принадлежность данной вещи субъекту-владельцу, т.е. лицу, поставившему печать.

Резюме это подтверждается другой археологической находкой. Особенно важно, что глиняная печать была найдена на территории Семиречья в могиле рядового усуня.

Находка усуньской печати не является неожиданностью. По династийным хроникам известно, что некоторые усуньские военачальники и чиновники проханьской ориентации за особо важные заслуги соответственно своим чинам награждались империей золотыми и медными печатями. Причем замена золотой печати медной означала лишение доверия, немилость, унижение и умаление достоинства.

В древнеусуньском обществе владельцами печатей был более широкий круг людей, чем знать и чиновники. У последних печати являлись символом власти должностных лиц, а примитивные каменные и глиняные печати предназначались для разграничения движимой собственности разных владельцев.

Появление и использование процарапанных знаков на тулове сосудов, знаков-меток на ушах лошадей, тамг и таврения лошадей, и, наконец, печатей индивидуального пользования связаны с развитием собственности: от родовой, общинной до частновладельческой. Такой вывод подтверждается сообщениями письменных источников, которые не оставляют сомнения в том, что в обществе усуней не только существовала частная собственность, на движимое имущество (скот, предметы роскоши, орудия труда), но и что она достигла уже развитых форм.

Древнекитайские источники, написанные еще во II-I вв. до н.э. сообщают о резком имущественном неравенстве, происшедшем в усуньском обществе, о богатых владельцах четырех-пяти тысяч лошадей и т.п.

Исторические примеры из социально-экономической жизни древних племен подтверждают известный тезис Маркса, что кочевые племена и народы первые (значит раньше, чем земледельческие) развивают у себя обмен и форму денег, следовательно, и отношения собственности. Однако, развитие отношений собственности у кочевых народов не мо-

жет служить показателем более высокого прогресса их культуры и экономики по сравнению с земледельческими племенами. Дело здесь, как известно, в различии как по своему происхождению, так и по своей социальной форме двух основных видов общественного богатства — продукта труда и продукта природы. Оба вида богатства составляют то, что принято называть движимым и недвижимым имуществом. К первому из них относятся: скот, продукты ремесла и жилища, а ко второму — земля. Продукты труда — движимое имущество — рано становились объектом частной собственности и могли быть отсуждены в обмене, становясь товарным богатством. Поэтому конные кочевые племена, основой хозяйства которых было скотоводство, а подвижный образ жизни их приводил в постоянное соприкосновение с другими народами, что способствовало раннему развитию товарных отношений, первые развивают у себя отношения собственности и накопление богатства в виде движимого имущества. Накопление богатства внутри любого общества происходило не равномерно среди всех семей, всего населения, всего общества. С неизбежной закономерностью происходила имущественная дифференциация, накопление богатства в руках узкого круга лиц и обнищание большинства населения, постепенная поляризация общества. Именно такой процесс происходил в обществе древних усуней.

Земля же, как продукт природы и как недвижимое богатство, состояла из естественных условий производства: она во всех докапиталистических общественных формациях, как средство производства, не становится предметом собственности, предметом стоимостных возмездных отношений. Она, начиная с момента перехода варварских племен к производящему хозяйству, у всех народов — и земледельческих, и скотоводческих — оставалась объектом частного или коллективного владения, объектом наследственного пользования землей, принадлежа-

щей всему обществу.

Хотя во всех докапиталистических формациях поземельные отношения выступали в форме пользования и владения, но основе формы присвоения земли, структура землевладения были разными. Так, основу первобытно-общинного строя составляло общинное владение землей и общинная собственность на продукты труда, рабовладельческого общества — частное владение государственной землей и частная собственность на продукты труда и на раба, и, наконец, основу феодального общества составляло иерархическое землевладение, прикрепление работника производства к земле и частная собственность на продукты труда.

Частная собственность на стада, господствовавшие в усуньском обществе, проясняют, в свою очередь, вопрос поземельных отношений, которые могли иметь форму частного или иерархического владения землей.

Так какое же место принадлежало земле и скоту в производстве материальных благ в таких специфических обществах, как полукочевые-полуоседлые усуней? У древних усуней было два основных средства производства: земля и скот. Но при этом у них также как и во всех человеческих обществах земля, — как продукт природы — является главным средством производства, а поземельные отношения были определяющими в сложении и развитии производственных отношений.

Однако, в обществе номадов-скотоводов отношения между людьми, устанавливающиеся в процессе производства, складываются и по скоту, в том числе и отношения зависимости и подчинения, эксплуатации и угнетения, в исторической перспективе антагонистические отношения. В таких обществах поземельные отношения выступают завуалированно, через продукт труда и земли, как отношения по скоту. Поэ-

тому скот как средство производства, как непосредственно отчуждаемый продукт труда и был средством эксплуатации в классовых обществах. Древнеусуньские поземельные отношения могли иметь форму наследственного владения. Историческая топография зимовок-поселений и семейных кладбищ около них дает информацию об усуньском землевладении.

Резюмируя информацию, извлеченную из исторической топографии усуньских памятников, можно сделать два вывода. Во-первых, у усуней в III-V вв. произошло закрепление земель, пригодных для зимовок, за частными владельцами и за общинами. Во-вторых, распались семейные общины, объединенные по признаку общего происхождения, и происходило территориальное подразделение населения по принципу хозяйственных интересов.

Таким образом, фактический материал подтверждает вывод, что первым земельным участком, перешедшим в частную собственность отдельного лица, была земля, на которой стоял дом (Энгельс).

Развитие монопольного землевладения доказывается сведениями письменных источников. Значительный интерес представляет сообщение Бань-Гу о великом гуньми Цылими, запретившим населению пасти свой скот на его пастбище.

Вероятно, уже в I в. до н.э. в древнеусуньском обществе начался процесс частного землевладения, начало новым поземельным отношениям было положено правящей верхушкой. Лучшие пастбища (вероятно, не только пастбища, так как усуни занимались и земледелием) переходили в "монополию известных лиц распоряжаться определенными участками земли как исключительными, только им подчиненными, сферами их личной воли" (Маркс).

Конечно, может возникнуть вполне резонное сомнение, удалось ли Цылими реально осуществить свою волю, ведь объявить еще не зна-

чит узаконить в реальной жизни. Мы не сомневаемся в том, что ему удалось получить в монопольное распоряжение нужные пастбища, ибо усуньские лин-хоу - крупные собственники больших стад скота, также претендующие на лучшие пастбища, как повествует источник в приведенном отрывке: все были подчинены Цылими и не могли ослушаться его воли.

Земельные площади, закрепленные за отдельными владельцами, были регламентированы размером хозяйства, количеством имеющегося скота. Для прокормления четырех-пяти тысяч лошадей требуется, примерно 30-50 тысяч гектаров естественных пастбищ. Таким образом, самые богатые усуньские скотовладельцы были и владельцами обширных и лучших земель. По-видимому, в частном владении находились только зимние пастбища, наиболее необходимые для сохранения и умножения основного богатства - поголовья скота. Зимние постройки и могилы предков фактически закрепляли эти земельные участки за конкретными лицами в наследственное владение.

Письменные и археологические источники доказывают, что в древнеусуньском обществе еще во II-I вв. до н.э. произошла резкая имущественная дифференциация и накопление богатства в отдельных руках, преимущественно правителей, должностных чинов и родовой аристократии. Частная собственность на скот, орудия труда и предметы быта, имевшая место в сакское время, получила широкое развитие и стала основой общества. А поземельные отношения имели форму частного владения землей, являющейся собственностью государства. Социальная структура общества уже в этот период была основана на классовых отношениях, хотя процесс образования классов еще продолжался.

В III-V вв., продолжалось накопление движимого имущества в руках правящего класса, поляризация общества, более четко определи-

лись грани разделения общества на два лагеря: богатых и бедных, господствующих и зависимых, угнетателей и угнетенных. На полюсах общества противостояли два класса: на одной стороне - родовая знать - рабовладельцы и новая феодализирующаяся аристократия, на другой - зависимые мелкие производители, рабы-данники (рабы-полукрепостные) и домашние рабы. Наряду с частновладельческими поземельными отношениями возникло и развивалось иерархическое владение. У древних усуней социально-экономические отношения на всех этапах развития носили формы, характерные для переходных этапов прогресса классового общества. За период развития, вплоть до вхождения в состав государства тюрков Ашина, оно не достигло законченных форм ни рабовладельческой, ни тем более, феодальной формации. В то же время это было по существу уже классовое общество.

Причина своеобразного развития заключается в многоукладности экономики. В полукочевом-полуседлом усуньском обществе было два основных средства производства: скот и земля. Накопление богатства, преимущественно в виде скота, привело к развитию частной собственности на движимое имущество, к развитию товарного обмена, а значит и к зарождению классовых отношений. Однако в силу специфичности кочевого общества (стойкость и консервативность родовых связей), общественные отношения развивались как частнособственнические отношения крупных и мелких скотовладельцев. Разложение родового строя не дошло до образования сельской общины как хозяйственной ячейки, определяющей сущность феодальных отношений. Поэтому возникшие классовые отношения неизбежно принимали характер рабовладельческих отношений. Однако в древнеусуньском обществе использование рабского труда в производстве имело свои особые формы, которые привели к тому, что труд раба не стал основой производства, а рабовладение так и не дозрело до развитой формы соответствующей социально-эко-

номической формации.

Рассмотрим аспекты усуньского рабовладения. Одним из основных источников рабства у усуней как и у многих народов, были военнопленные. Письменные источники приводят лишь один факт, когда в I в. до н.э. усунь при гуньми Вен Гуйми (фэй-ван), внезапно напав на хунну (сюнну), захватили 40000 человек в плен. Война в древности была одним из распространенных средств обогащения, присвоения чужого движимого имущества, захвата территории и рабов. Поэтому, вероятно, недостатка в военнопленных не было. Кроме того, не должны исключаться другие способы приобретения рабов, как обращение в раба должника, покупка, захват и экспроприация своих соседей.

Формами рабовладения были домашние рабы, используемые как слуги, обслуживающие господина и членов его семьи; рабы-ремесленники, изготавливающие по заданию господина нужную ему продукцию; рабы-скотоводы или земледельцы, ведущие его же хозяйство; и, наконец, рабы, имевшие свое хозяйство. Последние по своему экономическому положению близки к крепостным, но, в отличие от них, лишены каких-либо социальных гарантий. Они лишь пользователи движимого и недвижимого имущества, но сами же, как и все их хозяйство и имущество, составляют собственность господина.

В связи с формами древнеусуньского рабовладения интерес представляет социальное содержание, заключенное в древнетюркском термине "qul", под которыми имелись в виду рабы, ведущие самостоятельное хозяйство и, занимающиеся земледелием и ремесленничеством. По своему социально-экономическому положению *qul* близок римскому рабу - пекулий.

В государстве усуней эксплуатировали рабов крупные собственники, но использовали их труд и мелкий скотовод и землевладелец, хотя в поземельном отношении сам находился в зависимости у знати

и правойшей верхушки. Однако по отношению к рабам он выступает как господин, как эксплуататор, присваивающий чужой труд.

В Усуни рабы являлись одним из основных непосредственных производителей материальных благ, были неотъемлемой частью производительных сил общества, а рабовладение — одной из основ общественных и производственных отношений. Но значительную часть рабов составляли полуробы-полукрепостные-рабы, лишенные прав, полная собственность господина, но имеющие свое хозяйство. В такой двойственности и противоречивости рабовладения скрывалась причина того, почему рабовладение не достигло зрелой формационной фазы. В нем с момента возникновения сосуществовали элементы феодальных отношений, в частности, прикрепление работника производства к земле.

Несомненно рабы у усуней не были единственными непосредственными производителями. Крупными скотовладельцами, землевладельцами и рабовладельцами присваивался труд и мелких свободных производителей, которые попадали в экономическую зависимость к ним, арендуя их землю, получая скот для обзаведения или восстановления хозяйства и т.д. Все большее обогащение одних неизбежно приводило к обнищанию других, мелких владетелей. Присвоение крупными владетелями прибавочного продукта, получаемого при эксплуатации работ и зависимых мелких производителей, было основой накопления движимого имущества. Концентрация богатства у частных лиц, по данным письменных источников, достигла внушительных размеров.

С расширением хозяйства, естественным ростом стада связано постепенное расширение пастбищ и увеличение посевных площадей. Источником приобретения новых земель был захват и освоение ничейных и бросовых земель. В усуньское время земель пригодных для хозяйственного использования, уже не было или было мало. Топография размещения поселений и могильников убедительно доказывает, что все

пригодные для хозяйственной эксплуатации земли были уже закреплены и освоены, в первую очередь, зимние пастбища. Поэтому основными источниками расширения земельных владений были: расширение этнической территории в результате войн, узурпация земли у мелких владельцев, присоединение пастбищ, принадлежавших хозяйствам, попавшим в экономическую зависимость, добровольная передача себя и своего хозяйства во власть крупных землевладельцев и др.

В предтюркское время в древнеусуньском обществе, наряду с продолжавшимся накоплением движимого имущества, происходила постепенная концентрация у них и земельного богатства.

Приведенные выше формы древнеусуньских поземельных отношений не были феодальными, их нужно рассматривать как предысторию феодальных земельных отношений, как первые зародыши феодализма. Они характерны для переходного периода развития общества на пути к феодальному способу производства. Однако в древнеусуньском обществе накануне поглощения его Тюркским каганатом, было больше признаков рабовладельческих отношений, чем феодальных.

Анализ артефактов дает возможность установить социальные категории населения, образующие усуньское общество, их социальное положение и роль в общественном производстве. Дело в том, что вся огромная масса ныне раскопанных на территории Семиречья курганов (около двух тысяч) четко делится на три типа. Первый из них — большие земляные курганы диаметром 50—80 м и 8—10—12 м высотой. Под насыпью обычно бывает две-три могилы, содержащие мужские и женские погребения. Погребальный инвентарь — индикатор социального представительства захороненного. В кургане Тенлик (Восточное Семиречье), некогда была захоронена знатная женщина. Одежда ее украшена золотыми художественными бляхами и бляшками, на ушах — золотые серьги с зернью. В могилу положена железная, искусно обтянутая зо-

лотом булава - знак принадлежности к знати. Здесь же рядом с ней были поставлены туалетные принадлежности (бронзовое зеркало и деревянная шкатулка (?), орнаментированная полосками листового золота. Богатые захоронения раскопаны и в западном Семиречье - это Каракольские и Бураинские могильники. В них также обнаружены золотые фигурные бляшки, нашивные бляхи с изображением сатира греко-бактрийского происхождения, остатки китайских лаковых изделий, предметы украшения, выполненные в зверином стиле, оружие. Подкурганые захоронения знати выделяются также сложностью конструкции погребального сооружения, как это наблюдается в могильнике Соколовка.

Второй и третий тип курганов размерами резко отличается от первого, а между собой - в такой же степени найденным при раскопке инвентарем. Размеры курганов второго типа (данные могильника Каратома) варьируют в пределах 15-20 м и диаметром и до 1 м высотой. Под насыпью - одна-две могилы, иногда в одной могиле - два костяка. Инвентарь: три-четыре глиняных и деревянных сосуда, мелкие бронзовые, иногда золотые, украшения (серьги, перстни, булавки, браслеты), бронзовые ременные подвески, выполненные в стиле "скифского" искусства, оружие - железные кинжалы и мечи, трехгранные и плоские наконечники стрел. Такие курганы группируются в могильники, состоящие до сотни насыпей.

И, наконец, третий тип курганов представляет собой большинство раскопанных. Это небольшие насыпи в 5-10 м диаметром и 30-50 см высотой. Погребальный инвентарь предельно однообразен и беден: один-два сосуда, примитивные железные ножички и булавки, изредка бронзовые серьги и бусы. Определяющим признаком их является полное отсутствие оружия.

Приведенный археологический материал подтверждает выводы о социальной структуре усуньского общества, о его классовом составе. В больших курганах были захоронены представители эксплуатирующего класса - крупные собственники движимого имущества, рабовладельцы и землевладельцы и их жены или наложницы. В мелких (третий тип) - рабы и зависимые мелкие производители, класс угнетенных и эксплуатируемых. В курганах второго типа - лично свободные рядовые общинники, ведущие самостоятельное хозяйство и использующие труд рабов. Они в обществе занимали особое положение. По отношению к рабам они примыкали к эксплуатирующему классу, но в то же время сами находились в зависимости у владельцев земли - государства, общины или частного лица. Они же, владея оружием, составляли основной контингент усуньского войска.

Таким образом в государстве Усунь сочетались сохранившиеся пережиточные явления родового строя с рабовладением и зарождающимися феодальными отношениями. Дальнейшая тенденция социального развития весьма проблематична. Категоричный вывод спорен, но все же предпочтительнее, что рабовладельческие тенденции преобладали. Мы уже указывали, что многие формы социально-экономических институтов были наиболее характерны для государства переходного типа. Эти затруднения, однако, не меняют выводы (более важного) о классовой сущности общества.

Письменные источники хотя и весьма скупны, сообщают о зарождении антагонистических отношений, с классовой борьбе угнетенных слоев населения.

Древнеусуньское общество, судя по этим сообщениям, не раз потрясали народные волнения, усобицы между великими и малыми гунями, между ними и лин-хоу, борьба между группами прокитайской и прохуннуской ориентаций. Эта борьба принимала различные формы:

открытый бунт, убийства гуньми, дворцовые перевороты, откочевки и т.д. Такие сведения имеются в источниках, начиная с 50-40-х годов I в. до н.э. Великий гуньми Ними сильно притеснял народ ("будучи зол и порочен"), поэтому "потерял доверие народа", что явилось причиной "беспокойства и горя усуней". В 40-30-х годах народ "снова взбунтовался" и бежал, недовольный тем, что великим гуньми стал Юань-гуньми, родившийся от китайской царицы, и желая иметь на престоле Уцзюту - сына хуннской царицы. В 30-20-х годах происходят недовольства и волнения, в результате которых малый гуньми Анжи был убит "подавшими ему людьми", "жителями (го-минь)", а "все лин-хоу произвели большой мятеж". Можно было бы продолжить перечисление сообщениями об откочевках, о династийной борьбе-убийствах гуньми, но приведенные факты достаточно реконструируют бурную политическую жизнь в древнеусуньском обществе.

Итак, привлекая к анализу археологический материал и сообщения доступных письменных источников, были рассмотрены развитие экономической основы и общественных отношений, социальный состав населения и возникшие классовые противоречия в древнеусуньском обществе. В этом обществе беднейшая часть населения - народ - был лишен оружия, вместо вооруженного народа появились войска - дружины великого и малого гуньми и лин-хоу. Происходил распад родовых сельских общин, а вместо них возникали территориальные хозяйственные общины. Еще саки знали алфавитное письмо, есть основание полагать, что усун - потомки их не утратили это крупное культурное достижение.

Таким образом, налицо были предпосылки для появления государства-особого органа, призванного укрепить и обеспечить права господствующего класса на дальнейшее обогащение и эксплуатацию.

Возникновение древнеусуньского государства определили два

фактора: экономический прогресс внутри самого общества, где развитие производительных сил базировалось на сочетании двух форм хозяйства - скотоводстве и земледелии. История многих стран показывает, что ни один народ, хозяйство которого основывалось преимущественно лишь на скотоводстве, также как и на одном земледелии, не достигал общего прогресса, а оставался на уровне родового общества. Только сочетание и одновременное развитие в хозяйстве скотоводства и земледелия приводит к мощному подъему производительных сил и изменению социальной структуры общества. Комплексное двухукладное хозяйство усуней было основой всего общего прогресса общества, в том числе и раннего возникновения государства.

Во-вторых, катализирующее воздействие развитой Ханьской империи, с которой государство Усунь находилось в близком соседстве и в союзнических отношениях.

Попытка последовательного изложения фактов эволюции древнеусуньского государства не исходит из предпосылки перманентного развития его. Государству Усунь, хотя оно базировалось на полукочевой основе, были присущи взлеты и падения, прогресс и регресс - пульсирующее формирование и развитие, характерные для всех кочевых государств.

По политическому устройству усуней источники приводят развитую государственно-административную и социально-иерархическую терминологию, что дает также понятие об уровне общественного строя.

Государство Усунь считалось "одним из сильнейших" государств древности, имея население в 630 тысяч оно могло выставить войско, насчитывающее 188800 воинов¹. Войска состояли из конницы и пеших

¹ Вероятно, количественные параметры преувеличены, что, однако, не меняет мнения о многочисленности населения в государстве Усунь. Последнее подтверждается десятками тысяч памятников, размещенных на обширной этнической территории усуней.

лучников (их было несколько десятков тысяч человек), "обученных наступательным действиям". Дружина гуьми и двух наследников престола состояла из 30 тысяч конницы, у каждого по 10 тысяч. Еще до 73 г. до н.э. государство было разделено на три части: левая (восточная), правая (западная) и центральная, принадлежавшая самому гуьми, но все они находились под "верховной зависимостью от Гуьмо". Резиденция гуьми находилась в городе Чигучен.

Позднее, между 64-51 годами, в связи с усиливающимся недовольством народа политикой империи Хань, вмешивающейся в престолонаследие, а также учитывая желание масс иметь наследников гуьми по хунчуской линии, народ и территория усуней были разделены на две части: великий и малый гуьми, а на границе принадлежащих им земель поставлены межи.

После этого события история государства Усунь полна междоусобной борьбы малых гуьми с великими за власть, между сторонниками прохунчуской и проханьской ориентации. Так, где-то в конце 60-х годов Уцзюту - сын гуьми Унгуьми от хунчуской царевны убил царствующего гуьми Ними (Куан-ван) и при поддержке народа узурпировал власть. В 14 г. до н.э. великий гуьми Цылими убит по заданию малого гуьми Мочжэньцзян. Причина - стремление Цылими насильственно объединить разрозненное государство. Источники прямо указывают, что Мочжэньцзян убил его, "опасаясь быть покоренным Цылими.

Время правления Цылими - между 45-14 годами было временем расцвета государства Усунь, так как он "твердо держал власть" и в его владениях "настала... глубокая тишина и мир".

Административно-государственное и военное управление государством осуществлялось через довольно развитый бюрократический ап-

парат. Кроме великого и малого гуьми имелись следующие чины и должности.

№ п/п	По Бичурину	По Кюнеру	Комментарии
1	2	3	4
1.	Сян-да-лу	Министр да-лу	1. Сян: взаимный... министр, управлять. Да: большой, великий, крупный, Лу: жалованье, оклад, карьера... жалованье чиновников. Да-лу - не имя собственное, а титул В целом титул "сян-да-лу" - великий министр, получающий жалованье: Первый государственный министр, лучше "Министр да-лу"
2.	Цзо-да-лу		2. Цзо: левый, плохой, помощник... Иероглифы "цзо-да-лу" передают понятие чиновник (правитель) левых (северных) земель: Лучше: левый да-лу.
3.	Ю-да-лу		3. Ю: правая сторона, правый помогать.... Ю-да-лу - чиновник (правитель) правых (южных) земель: лучше: правый да-лу.
4.	Хэу (маркиз)	Хоу (князь)	4. Хоу: феодал, князь, маркиз
5.	Хэу	Хоу	- " -
6.	Хэу	Хоу	- " -
7.	Дэ-гян	...	7. Гян-гян-цзянь: наблюдать... инспектор, чиновник, евнух (древнекит) Да-цзянь - старший чиновник, главный инспектор
8.	Левый гян	Левый предводитель	8. Левый (северных земель) инспектор
9.	Правый гян	Правый предводитель	9. Правый (южных земель) инспектор
10.	Левый ду-юй	Левый ду-юй	10. Ду: все, всегда... столица, крупный город, крупный район, крупная область.

1	2	3	4
			Юй (диалект) - вэй: лейтенант, оберофицер... успокоить
			Ду-юй - ду-вэй - правитель провинции, в целом правитель левой (северной) провинции края
11. Правый ду-юй	Правый ду-юй	11. Правитель правой (южной) провинции края	
12. Левый да-тянь	Левый да-цзянь	12. См. 7 и 8 По Бичурицу: тархан	
13. Правый да-ня-глинь	Правый да-цзянь	13. - " -	
14. Да-ли	Да-ли	14. Ли: мелкий чиновник, служащий, делопроизводитель, писец Д-ли - главный делопроизводитель (писец), возможно, заместитель внешних земель	
15. Левый ше-чжун-да-ли	Левый ше-чжундали	15. Ше: постоянный двор, дом, общежитие.... Чжун: центр, внутри, внутренний, быть в центре Ше-чжун-да-ли - главный делопроизводитель внутреннего двора Цзо-ше-чжун-да-ли - левый главный делопроизводитель внутреннего двора	
16. Правый ше-чжун-да-ли	Правый ше-чжун-да-ли	16. Ю-ше-чжун-да-ли - правый главный делопроизводитель внутреннего двора	
17. Ки-гюнь	Цицзюнь	17. Ци: ехать верхом, кавалерист, конница Цзюнь - Цзян(?): государь, князь, глава, правитель. Цицзюнь - глава конницы Цицзян - командующий конницей (196).	

Все эти должностные лица и чиновники относились к господствующему классу. Низшим слоем этого класса были лин-хоу - зависимые (вассальные) князья, но были еще более мелкие, стоящие на сослов-

но-иерархической лестнице ниже лин-хоу.

Усунь, как уже отмечалось, считалось одним из сильнейших государств, оно же, по утверждению Сюй Суна, являлось наибольшим государством в Западном крае. Такое утверждение подтверждается археологическими данными, распространением памятников усуньской культуры на огромной территории Семиречья, Ферганы (частично) и в северной и западной частях Восточного Туркестана.

Под властью или под влиянием Усуней находился ряд владений или племен, расположенных в пограничных районах государства. Например, в "Цяньханьшу" указывается, что Усунь "подчинил себе многие владения", в "Давань-чжуань" - "напал на соседние малые владения", а Янь Ши-гу уточняет: "как только подчинит, то превращает в вассалов". Вероятно такими племенами и владениями были хюсюнь, гуань-ду (цзюаньду), юйту или уш. Источники отмечают, что все они по обыкновениям и одежде сходны с усунями. В I в. до н.э. во владении Согдий или Яркян по просьбе местных старейшин и повелителей, дабы "приобрести доброе расположение усуньцев" Ваньянь, сын гуньми Ван-Гуйми, стал повелителем.

Государство Усунь устанавливало и союзнические отношения с другими государствами посредством заключения брачных союзов. Так, в 69 г. до н.э. тот же Ван-Гуйми выдал свою дочь Диши за повелителя Кучи-Гянбиня. А некоторые соседние владения при нападении противника искали защиты у сильного усуньского государства. В качестве примера приведем факт пребывания с 68 по 62 гг. владельца северных чешей Угуя в Усунь после его бегства от хун-ну (202).

В древнеусуньском государстве власть великих и малых гуньми передавалась по наследству от отца к сыну, исключение, как правило, вызывалось чрезвычайными обстоятельствами. Хронологическая последовательность правления усуньских гуньми и порядок наследо-

вания приведены ниже.

Имена гуньми и некоторые иные сведения	Время правления
1. Ханьдоуми. Имел небольшое владение между Цилянем и Дуньхуаном. Убит дачежчи.	III-II вв. до н.э.
2. Лиецзяоми - сын Паньдоуми. Имел десять сыновей, средний - Далу	II в. до н.э.
3. Цаньцзоу (Цзюй Сийми) - внук Лиецзяоми. Имел сына Ними (от хунуской жены)	II в. до н.э.
4. Ван-Гуйми (Фэй-ван) - сын Далу. Имел трех сыновей: Юань-Гуйми, Ваньянь, Дале, Уцзюту (от хунуской жены) и двух дочерей: Диши и Сугуан.	80-64 гг. до н.э.
5. Ними (Куан-ван) - имел сыновей: Чими, Сичэньшоу (от хуануской жены)	64(?) - 51 гг. до н.э.
6. Уцзюту - узурпатор. Убил Ними	51-49 гг. до н.э.
7. Юань-Гуйми - великий гуньми. При нем произошло разделение государства.	51-49 гг. до н.э.
7а. Уцзюту - малый гуньми	
8. Синми (сын Юань-Гуйми) - старший гуньми	49-55 гг. до н.э. (примерно)
8а. Уцзюту - малый гуньми	
9. Цылими (сын Синми) - великий гуньми. Убит в 14 г. старейшиной Учжилином по заданию малюго гуньми.	
9а. Фули (сын Уцзюту) - малый гуньми	45-14 гг. до н.э.
9б. Аньжи (сын Фули) - малый гуньми	
9 в. Мочжэньцзян (брат Аньжи) - малый гуньми.	
10. Ичжими (дядя Цылими) - великий гуньми	конец I в. до н.э. - I в. н.э.
10а. Аньломи (сын Аньжи) - малый гуньми	

В династийных хрониках эпохи Хань изложение краткой политической истории государства Усунь доведено примерно до III в. н.э. Однако отрывочные сведения имеются и в некоторых письменных источ-

никах поздних периодов. Так, в "Бэйшу" (История династии Юань-вэй) содержится сообщение о том, что в 437 г. н.э. государство Усунь отправило к императорскому двору послов, а затем постоянно направляло их для предоставления дани.

Археологический материал, особенно полученный за последние годы с территории восточного Семиречья (поселение Актас-2, могильники Актасты I, 4, 6, Сары-тау) свидетельствуют, что в предтюркское время Усуньское государство продолжало сохранять свою самобытность на всей обширной территории дислокации. По этим же данным (могильники Акшоки-III, Отеген-I) и в 6-8 вв. продолжала развиваться культура древних усуней на прежних землях, хотя государственная самостоятельность их была поставлена под контроль тюркских каганатов.

Более того, спустя несколько сот лет после приведенного сообщения письменных источников, в IO в. н.э. на их страницах вновь появляется имя государства Усунь. В "Ляоши", где в хронике императора Тайцзуна имеется запись о том, что в 938 году прибыли с данью: тугухунь, усунь, мохэ. А из другого источника "Винвэйчжи" - благодаря Хэ Цю-тао становится известным, что из 50-ти государств, подвластных империи Ляо, "было десять усуньских" (?).

Из этого сообщения для истории Казахстана важен факт известности усуней в IO в., позволяющей связать в непрерывной последовательности древних усуней с уйсунями и уйшунами, позднее вошедшими в состав казахского и киргизского народов.

СПИСОК ОПУБЛИКОВАННЫХ РАБОТ ПО ТЕМЕ

Монографии

1. Древняя культура саков и усуней долины реки Или. Алма-Ата, 1963, общий объем 23,4 п.л., авторский 10 п.л. (соавтор Г.А.Кушаев).
2. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1965, общий объем 44 п.л., авторский 10 п.л. (коллектив авторов).
3. Древний Отрар. Алма-Ата, 1972, общий объем 14 п.л. авторский 5 п.л. (соавторы К.М.Байпаков, Л.Б.Ерзакович).
4. Эхо древних культур. Алма-Ата, 1976, 6,3 п.л.
5. История Казахской ССР, т.1, Алма-Ата, 1977, общий объем 30 п.л., авторский 10 п.л. (коллектив авторов).
6. Курган Иссык. Искусство саков Казахстана. Москва, 1978, 17 п.л.
7. Вопросы археологии Казахстана. Алма-Ата, 1979, общий объем 11,7 п.л., авторский 5 п.л. (соавтор К.М.Байпаков).
8. Древнее золото Казахстана. Будапешт, 1984, 17 п.л. (на венгерском языке).

Статьи

9. Саки Семиречья. Труды Института истории, археологии и этнографии АН КазССР, т.7, 1959, 0,7 п.л.
10. Археологическая наука в Казахстане. В сб. Наука Советского Казахстана (1920-1940 гг.), Алма-Ата, 1960, 1 п.л.
11. Шестой Бесшатырский курган. Краткие сообщения ИИМК АН СССР, 91, М., 1963, 0,5 п.л.
12. Пирамиды в Казахстане. Этюд Советик, № 198, 1964, 0,5 п.л. (на французском языке).

13. Археология в Казахстане за советский период. - Советская археология, № 4, М., 1967. - 1,5 п.л.

14. Зимовки-поселения и жилища древних усуней. - Известия АН КазССР, серия обществ. наук, Алма-Ата, 1969, № 1. - 1 п.л.

15. Возникновение номадизма и соотношение его с оседлостью в Казахстане. Алма-Ата, 1969. - 1 п.л.

16. Возникновение оседлости и земледелия у древних усуней Семиречья. - В сб.: По следам древних культур Казахстана. Алма-Ата, 1970. - 0,75 п.л.

17. К проблеме происхождения номадизма в аридной зоне древнего Казахстана. - В сб.: Поиски и раскопки в Казахстане. Алма-Ата, 1971. - 1 п.л.

18. Саки азиатские и скифы европейские. - В сб. Археологические исследования в Казахстане. Алма-Ата, 1973. - 1,2 п.л.

19. Курган Иссык. (Предварительные итоги раскопок). - В сб.: В глубь веков. Алма-Ата, 1974. - 1 п.л.

20. Этапы развития древнейшего скотоводства в Казахстане. (Тезисы докладов). М., 1976, - 0,15 п.л.

21. Общество и письмо у саков Казахстана (Тезисы доклада). Алма-Ата, 1976. - 0,15 п.л.

22. Иссыкский курган. - Казахская Советская Энциклопедия. т.4, Алма-Ата, 1974. - 0,4 п.л.

23. Саки и усунь. - В сб.: Казахская ССР. Алма-Ата, 1979. - 2 п.л.